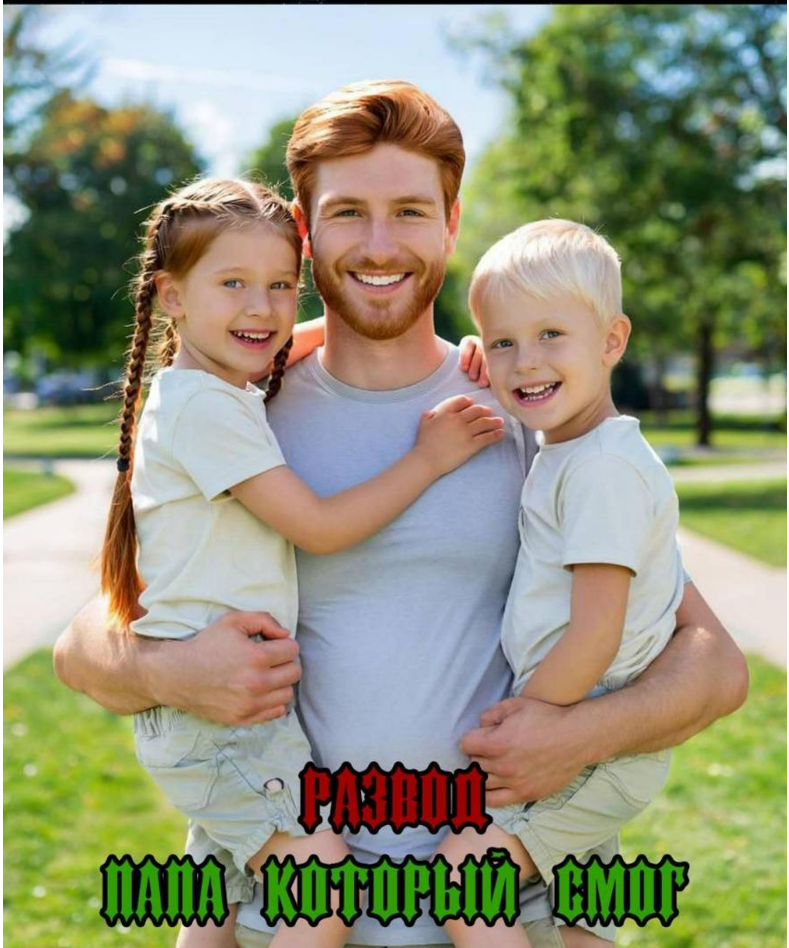
АНКАЛИМЭ



Анкалимэ Анкалимэ

Папа который смог

https://litres.ru/74748213
SelfPub; 2026

Аннотация

История Романа — это история мужчины, которого предали самым жестоким образом. Но его борьба — это не месть, а стремление сохранить своих детей и построить для них надежное будущее. Это роман о том, как из пепла старой жизни можно создать новую — ту, где есть место и карьерному росту, и настоящей любви, и взаимопониманию между детьми и родителями.

Путь героя от автомеханика до успешного юриста, взросление его детей, появление рядом сильной и мудрой женщины — все это части большой мозаики под названием «жизнь», где утраты и испытания закаляют, а не ломают. Это книга о том, что главные богатства — это не деньги, а любящие сердца рядом и свой, нерушимый дом.

Содержание

Глава 1. Внеплановый выходной 4
Глава 2. Цена обещаний 10
Глава 3. Горькие откровения 16
Глава 4. Заявление 24
Глава 6. Развод 39
Глава 7. Семейный совет 49
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Анкалимэ
Папа который смог

Глава 1. Внеплановый выходной

Последний болт на защите картера двигателя Mercedes был закручен. Роман выпрямился, с наслаждением потянулся, и кости в его спине хрустнули одобрительной мелодией. Два дня он бился над капризным немецким агрегатом, и вот он, момент истины. Чистый, отлаженный звук заведенного мотора стал для него лучшей музыкой.

- Принимайте работу, Иван Петрович, - Роман просунул голову в дверь кабинета начальника. - Мерс готов. Заказов больше нет, так что, если позволите, я домой.

Начальник, с вечно недовольным лицом, лишь мотнул головой.

- Иди, Намков. Молодец, что управился. На сегодня срочных заказов нету, отдыхай пока.

Мысль о том, что он увидит Аленку и Степку на три часа раньше, заставила его улыбнуться. По дороге заскочил в магазин, купил их любимых шоколадных пряников в виде медвежат.

Он поднимался по лестнице своего панельного дома на пятый этаж, насвистывая что-то бодрое. Рыжие волосы были

испачканы машинным маслом, от спецовки пахло бензином и металлом, но на душе было светло. Он вставил ключ в замок, попытался повернуть его, но дверь была не заперта.

- Лена, я дома! - крикнул он, скидывая ботинки в прихожей.

Из спальни донеслись непонятные, суетливые звуки - скрип ящиков, шуршание сумок. Он прошел в комнату. Картина, которую он увидел, на несколько секунд парализовала его.

Комната выглядела как после налета мародеров. Дверцы шкафов были распахнуты настежь, на кровати лежала открытая дорожная сумка, куда Лена методично, не глядя на него, укладывала свои платья, костюмы, туфли, рядом стоял уже собранный большой чемодан.

- Опять в командировку отправляют? - выдавил он. Голос прозвучал глупо и наивно, даже для него самого.

Лена обернулась. Ее лицо, обычно такое милое и знакомое, было холодным и отстраненным, словно маска.

- Нет, - ответила она ровно, возвращаясь к упаковке. - Я ухожу. И да, подала на развод. Так что все официально.

Воздух в комнате внезапно стал густым и тяжелым, как мазут. Роман почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он слышал слова, но их смысл не доходил до сознания. Она не просто уходила. Она уже все решила, подписала, подала. Его мнение, его чувства, его жизнь - все это было ей неважно

- Как... Почему? - это было все, что он смог выжать из

себя.

- Надоело, Рома, - она щелкнула замком на сумке. - Надоела эта жизнь. Твои вечно грязные руки, этот дом, который пахнет бензином. Твое вечное отсутствие. Я устала все тянуть на себе. Я хочу другого.

Он смотрел на ее упакованную сумку, на ее идеальный маникюр, который он никогда не видел испачканным готовящейся едой или детским пюре. И тут его осенило. Самое главное.

- А дети? Ты решила это... и подала на развод... без меня?

Лена взглянула на него с легким раздражением, будто он спросил о чем-то само собой разумеющемся.

- А что дети? - она пожала плечами. - Ты же и так с ними больше времени проводишь. Собираешь, кормишь, уроки делаешь. Они тебе нужнее. Мне они в новой жизни будут мешать.

Она подняла сумку, взяла за ручку чемодан и ее каблуки отстукали по паркету путь к выходу из спальни и из его жизни. Она прошла мимо него, не дотронувшись, не обернувшись.

Роман остался стоять посреди комнаты, один. В руке он все еще сжимал пакет с пряниками. В ушах стоял оглушительный звон. Он слышал, как хлопнула входная дверь.

Воспоминание. Девять лет назад.

Городской парк. Август. Воздух густой и сладкий, пахнет скошенной травой и пылью с асфальта. Ему двадцать один.

С момента дембеля прошло уже два года, и армейская выправка постепенно сменялась спокойной уверенностью человека, который знает свое место в жизни. Он почти закончил сельхозтехникум, и теперь с одинаковой легкостью может работать с гаечным ключом и управлять трактором.

Она сидела на скамейке, разглядывая брошурки техникумов. Простое ситцевое платье, косички, большие и немного испуганные глаза, в которых отражалось огромное небо ее деревенской тоски. Она была самой красивой девушкой, что он видел за последние два года.

- Ты местный? - ее голос был тихим, мелодичным.

- Можно и так сказать, - он улыбнулся во всю свою широкую, счастливую физиономию. - А ты? Поступаешь?

- Хотела в институт, - она потупила взгляд. - Не хватило баллов. Пойду в техникум. На швею.

- И чего? Отличная профессия! - он сел рядом, не спросив разрешения. Его плечо почти касалось ее плеча. От нее пахло солнцем и какими-то полевыми цветами. - Я вот на механика учусь. Железки изучаю. А ты - ткани. Мы, выходит, всю материю мироздания на пару охватим.

Она рассмеялась. И этот смех был для него важнее всего в тот момент. Этот смех для молодых гормонов Романа стал спусковым щелчком.

Гормоны. Они не просто «играли». Они дирижировали оркестром, в котором не было ни одной трезвой ноты. Его мир сузился до точек: ее ямочки на щеке, когда она улыба-

лась; капелька пота на ключице; как она кусала губу, слушая его армейские байки. Мысли были короткими и властными: «Хочу быть рядом. Хочу ее смех. Хочу, чтобы она была моей».

Разум отключился. Его место заняла слепая, всепоглощающая уверенность. Можно ли это было назвать любовью? Наверное, нет. Это было опьянение, головокружение от близости.

Через два месяца они поженились. Роспись в загсе длилась десять минут. Он стоял в своем единственном пиджаке, оставшегося после выпускного, и смотрел на нее, на это нежное, сияющее создание в белом платье из самой простой ткани. Она была беременна. Утром ее тошнило, а сейчас она сияла.

Он помнил, как обнял ее тогда, на ступенях муниципальной лестницы, и прошептал ей в волосы:

- Все у нас будет, Ленка. Все. И квартира, и образование. Я все смогу, ради тебя, ради нас.

Она прижалась к нему, вся - доверие, вся - вера.

- Я знаю, Ромка. Я тебе верю.

Настоящее.

Роман медленно разжал пальцы. Пакет с пряниками упал на пол. Мишки, упакованные в целлофан, уставились на него пустыми глазами.

- Мешаю... - прошептал он в тишину квартиры. - Я... и дети... ей мешаем. Подала на развод…

И тогда, наконец, его ноги подкосились. Он тяжело опустился на корточки, упершись лбом в спинку кресла, что стояло рядом. Из его горла вырвался тихий, бессильный стон. Десять лет вместе, чтобы услышать «Надоела эта жизнь», «Я хочу другого», «Дети… мешают». Разве можно так легко бросить всё, чем жил? Как можно такое серьезное решение принять так быстро? Или он просто не видел изменений в ней? Не видел, как она охладевает? Сейчас Роман осознал, что девять лет его жизни были построены на песке, смытом одним приливом холодной, расчетливой реальности.

Глава 2. Цена обещаний

Стон застрял у него в горле, превратившись в ком, который невозможно было проглотить. Он сидел на холодном полу комнаты, уткнувшись лбом в кресло, и по его щекам текли горячие, соленые слезы. Слезы не приносили облегчения, они были просто физиологической реакцией, как кровь из раны, которую нанесли внезапно и глубоко, не оставив шансов на защиту.

Он не просто переживал измену или уход. Его мир, который он годами выстраивал своими натруженными руками, не просто рухнул - его хладнокровно раздавили, пока он был на работе. Лена не просто ушла. Она успела подать заявление, даже не потрудившись его обсудить. Он чувствовал себя не мужчиной, с которым порвали отношения, а половой тряпкой, которой надоело мыть полы и ее выкинули.

И из этой раны, вместе с болью и унижением, выползали другие воспоминания. Не светлые, как первая встреча в парке, а тяжелые, выматывающие, те самые, что годами проверяли их семью на прочность и которые, как ему казалось, они прошли вместе. Теперь он понимал - прошел их он один.

Воспоминание. Шесть с половиной лет назад.

Беременность Степкой давалась Лене тяжело. Если с Аленкой все было относительно гладко, то со вторым ребенком ее с самого начала мучил жуткий токсикоз, а потом

добавились отеки и постоянная усталость. Она лежала на диване в их съемной квартире, бледная, с синяками под глазами, и смотрела в потолок. Двухлетняя Аленка тихо играла рядом куклами.

- Я не могу, Ромка, - шептала она, и в ее голосе была пустота, которая пугала его куда больше любых слез. - Совсем нет сил. Даже Аленку на улицу вывести не могу.

Он сжимал ее руку и улыбался. Улыбка была натянутой, маской, скрывающей панику и чудовищную усталость. Он понимал, что ничем помочь толком-то и не может. Он работает, и терять рабочее место сейчас - смерти подобно. Он тянет всю семью.

- Ничего, прорвемся. Главное - ты и малыш. Все для вас.

«Прорвемся» - это слово стало его мантрой, его кредо. На практике оно означало: подъем в шесть утра, чтобы приготовить еду, потом собрать в садик Аленку, отвести ее, потом к восьми быть на работе. Работа до семи-восьми вечера, потом забрать дочь от родителей, их дом был в шаговой доступности от детского сада, заскочить в магазин, приехать домой, накормить семью, убраться, уложить Аленку. А в субботу и воскресенье - не отдых, а возможность заработать в полтора раза больше, чтобы хватило на предстоящие роды и новорожденного.

Лена не хотела жить с его родителями сразу после рождения Аленки.

- Хочу свою семью, а не жизнь на чемоданах у свекрови,

- заявила она, и в ее глазах он увидел не просто каприз, а настоящий, животный страх потерять себя. Он понял. И нашел эту квартиру. Съем съедал добрую часть его зарплаты, но он молчал.

Но тогда... тогда его окрыляла любовь и чувство долга. В выходные дни, когда все отдыхали, войдя вечером в квартиру, он видел, как Аленка бежала к нему навстречу, а Лена, уставшая, но улыбающаяся, ждала его с ужином. Он клал руку на ее растущий живот и чувствовал толчок будущего сына. Это придавало сил. Это делало тяжесть более легкой. Он выполнял обещание, данное на ступенях загса. Он строил их общее будущее, кирпичик за кирпичиком, ценой своего сна, своего здоровья, своего юношеского задора. Он искренне верил, что она видит и ценит эту цену.

Настоящее.

Теперь он смотрел на это «будущее». Оно было пустой квартирой, из которой ушло ее «общее». Будущее сейчас было оглушительной тишиной, в которой не было ее вещей, дыхания, не было ее присутствия. И оно было перечеркнуто заявлением на развод, который она уже отнесла в суд.

И тут его пронзила холодна мысль, которая пробрала до нутра: Дети… Аленка, Степка.

Дочь, из-за которой он впервые испугался до дрожи в коленках, когда принимал ее из рук акушерки. Сын, чей первый смех заставил его плакать от счастья после шестнадцатичасовой смены.

Их мир только что рухнул, но они еще не знают об этом. Их мама, которая провожала их сегодня утром, ушла. И сейчас они ждут его. Восьмилетняя Аленка - у его родителей, они забирали её после школы. Шестилетний Степка - в садике, он ходил в подготовительную группу, этой осенью уже в школу пойдет.

Но она сказала, что дети остаются с ним. Почему? Из великодушия? Нет. Из того же холодного расчета, что звучал в ее голосе: «Они тебе нужнее. Мне они в новой жизни будут мешать». Она просто отсекла их как балласт. Сбросила с корабля своей новой жизни двух самых неудобных пассажиров.

И это осознание вызвало в нем прилив ярости. Слепой, животной, такой чистой и концентрационной, что она мгновенно высушила слезы. Она сожгла весь его стыд, всю боль, всю жалость к себе. Как она смела? Как она смела так говорить об их детях? Как она смела решать их судьбу в рамках своего «плана», как ненужный придаток?

Он не имел права сейчас раскисать. Не имел права позволить этой боли и ярости съесть себя изнутри. Его дети расчитывали на него, даже не находясь рялом. Они ждали папу, который все может, который чинит сломанные машинки, отпугивает монстров из-под кровати и никогда. Слышишь? Никогда не сдается!

Роман с силой провел ладонями по лицу, смахивая остатки слез. Он глубоко, с присвистом вдохнул, чувствуя, как

легкие наполняются стальной решимостью. Медленно, держась за диван, он поднялся на ноги. Ноги замлели от долгого сидения и дрожали, как после качки, но держали. Они выдержали многое, выдержат и этот груз.

Он подошел к раковине в ванной, с силой дернул кран и плеснул в лицо ледяной воды. Вода смешалась с остатками слез и грязи с волос, стекая мутными каплями на воротник спецовки.

- Хватит, - прохрипел он своему отражению в потускневшем зеркале. Голос звучал глухо, но в нем уже не было прежней разбитости. - Хватит. Ты не один. Утри свои сопли. Твоим детям нужен отец, а не загнанный зверь. Нельзя показывать им свою слабость.

Он посмотрел на свое отражение - уставшее лицо, рыжая щетина, красные, полные боли и гнева глаза. Но в этих глазах, в их карей глубине, снова появились искры: ответственности, готовности к бою, любви к тем, кто по-настоящему от него зависел, кого он не отдаст без борьбы.

Быстро, почти срывая с себя одежду, он принял душ, смывая с себя липкий пот и грязь после рабочего дня, и ядовитую пыль предательства. Он надел чистую, хоть и поношенную одежду. Сразу поставил стирку своей грязной рабочей одежды - жизнь продолжалась, и откладывать дела было нельзя. Потом прошел в коридор-прихожую. Взял ключи от своей старой, видавшей виды иномарки, которую он сам и поддерживал в рабочем состоянии.

Он не пошел за пивом, чтобы запить горе. Он не стал звонить друзьям, чтобы излить душу. Он не полез в телефон, чтобы слать ей гневные сообщения. Все это было бессмысленно. Он поехал к детям, которые сейчас нуждались в нем больше, чем в ком-либо еще.

Глава 3. Горькие откровения

Степка выбежал из группы первым, с криком «Папа!» и повис у него на шее, словно обезьянка. Он пах еще тем запахом, которое бывает у маленьких детей. Детским мылом, сладким компотом и беззаботностью, которая в этот момент резала Романа по живому. Как сохранить эту беззаботность, когда мать перевернула всю нашу жизнь? Как уберечь тебя от боли?

- Пап, а ты почему так рано? - удивленно спросил сын, уткнувшись носом в его куртку.

- Раньше с работой управился, - хрипло ответил Роман, подхватывая его на руки. Шестилетний сын казался невыносимо легким и хрупким. - Поедем к бабушке с дедушкой, заберем Алену.

По дороге он молчал, сжимая руль так, что кости белели. Что он скажет? Как объяснит восьмилетней дочери и шестилетнему сыну, что мама их бросила, да еще и подала в суд заявление на развод? Слова «подала на развод» жгли ему горло, как кислота.

Родители жили в старом, но ухоженном большом доме. Мать открыла дверь, и ее лицо, обычно светящееся при виде внуков, сразу стало настороженным, почти испуганным. Она взглянула на Романа, и в ее глазах он прочитал не просто вопрос, а какое-то странное, виноватое знание.

- Ромка? Что случилось? Ты... на работе должен быть, - проговорила она, торопливо впуская их в прихожую.

- Внутри все расскажу, - он прошел в гостиную, где дочь смотрела мультики.

Алена обернулась и тут же насторожилась, уловив напряжение в воздухе. Она была не по годам внимательной и чуткой. Они уселись за стол, накрытый старой, чистой скатертью. Степка устроился у него на коленях, Алена смотрела на него своими серьезными, слишком взрослыми для ее возраста глазами. Сердце Романа бешено колотилось. Он взял паузу, собираясь с духом, подбирая самые мягкие, самые обтекаемые слова.

- Дети... - начал он, глядя куда-то в сторону серванта, не в силах встретиться с их взглядами. - Ваша мама ушла. Надолго. Она будет жить в другом месте. И она... она подала в суд заявление, чтобы мы с ней развелись.

Тишина в комнате стала густой и тягучей. Мать, Валентина Ивановна, ахнула, но в ее аханье не было удивления, была лишь горькая подтвержденная догадка. Она прикрыла рот рукой, и ее глаза наполнились слезами. Отец, Николай Петрович, сурово сдвинул брови, его взгляд стал жестким, как сталь.

И тут раздался спокойный, четкий голосок Алены:

- Ну и хорошо.

Роман оторвал взгляд от серванта и уставился на дочь. Ее лицо было абсолютно невозмутимым.

- Что... что «хорошо», Аленка? - не понял он.

- Что ушла, - пожала она плечиками, как взрослая. - Пап, а что ты хотел? На собрания ходишь ты, есть готовишь в основном ты, уроки со мной опять ты делаешь. Машину для стирки белья, ты меня научил включать, когда тебя нет.

Она перечислила это так буднично, что у Романа перехватило дыхание. Он смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Его дочь, его маленькая девочка, всего за несколько минут вынесла приговор девяти годам его брака.

- А мама... - Алена нахмурилась, подбирая определение. - Она вроде и жила с нами, но она постоянно была занята своими делами, время нам особо не уделяла, я даже не помню, а уделяла ли она нам его раньше. Так пускай живет где хочет. Мы от этого ничего не потеряем. Одни плюсы.

Она обвела взглядом ошеломленных взрослых, как будто объясняя очевидную истину.

- Мне, например, не придется выслушивать ее недовольство, что не на тот режим поставила ее белье, или ее блузку кинула с постельным.

В комнате повисла оглушительная тишина. Было слышно, как на улице, кто-то из соседей включил дрель. Роман смотрел на дочь и видел не маленькую девочку, а строгого и беспристрастного свидетеля последних лет его жизни. Она не осуждала, не плакала. Она просто констатировала факты. Факты, которые он, в суматохе работы и быта, старался не замечать. Факты, которые были для его детей ежедневной

реальностью.

Его мать первая нарушила тишину, тихо выдохнув:

- Господи... дитя...

А Степка, словно поймав суть разговора, поднял голову и спросил:

- Значит, мама больше не будет кричать, когда мы шумим с Ванькой?

Роман обнял сына, чувствуя, как ком в горле наконец-то рассасывается, сменяясь странным, горьким облегчением. Он посмотрел на родителей, на детей. Его семья не рухнула. Она просто лишилась одного члена, который давно уже не участвовал в общей жизни.

- Да, - тихо сказал он. - Не будет.

Валентина Ивановна вытерла глаза краем фартука и тяжело вздохнула. Ее взгляд был полон неизбежности.

- Ромочка... Насчет развода... Я... я кое-что знаю.

Он уставился на нее: «Что?» Так и читалось в его глазах.

- Я давно хотела тебе сказать, но... боялась. Боялась, что не поверишь, что скажешь - старая карга сплетничает. А потом... потом испугалась, что рассоримся, и я... я внуков видеть не буду. – И на последних словах она не удержалась и заплакала.

- Мам, о чем ты? - голос Романа стал жестким.

- О Лене. О том, почему она так... вдруг. - Валентина Ивановна нервно сжала руки. - Ты же знаешь, она три года назад устроилась на работу? Сразу как ты Степку в садик офор-

мил. В ту фирму, «Вектор», что в новом бизнес-центре?

Роман кивнул. Она устроилась бухгалтером-кассиром. Говорила, что хочет помогать, что сидеть дома без дела скучно, тем более сын в садик пошел. А ей одной дома что делать? Он был только рад, думал, ей станет легче.

- Так вот, - мать опустила глаза. - У соседа нашего, Петра Ивановича, племянник там же работает, в IT каком-то. Так он Петру, значит и проболтался, а Петр жене своей Марии, мы с ней дружим давно, и она уже мне... Говорит, что твоя Лена... - она запнулась, подбирая слова. - Что она там недолго бухгалтером проработала, что-то около года. Приглянулась она их начальнику, холостяку, какому-то. И он взял ее к себе личным секретарем. И что у них там... шуры-муры.

Она выпалила это последнее слово и снова прикрыла рот рукой, смотря на сына испуганно, ожидая взрыва.

Но взрыва не последовало. Роман сидел, словно окаменевший. В его голове щелкнул какой-то тумблер. Внезапно все обрело чудовищный, ясный смысл. Два года. Именно тогда начались ее вечные задержки «на работе», ее новый блеск в глазах, ее увеличивающееся равнодушие к детям, ее раздражение, когда он звонил... И наконец, этот холодный, деловой тон сегодня, эта предварительно поданная бумага в суд. Это не было спонтанным решением. Это было намеренное действие. Она просто дожидалась, когда все будет готово для перехода в новую, комфортную жизнь.

- Шуры-муры, - беззвучно повторил он. Ирония ситуации

сверлила мозг. Он без выходных вкалывал, чиня машины, чтобы она, могла устраивать свою жизнь с боссом.

Отец, до этого молчавший, хмуро прочистил горло.

- Вот видишь, сынок, - его голос был глухим, но твердым. - Не просто так все это. Она не ушла в никуда. У нее уже было подготовлено место куда, или к кому уйти.

Валентина Ивановна положила свою шершавую, исцарапанную огородными растениями, ладонь поверх его руки.

- Ромочка, послушай меня, - сказала она тихо, но очень твердо, уже оправившись от своего испуга. - Теперь ты должен быть умнее и хитрее. Она первая подала. Значит, у нее есть свой расчет. Нельзя пускать все на самотек. Завтра же иди в суд и подавай встречное заявление. Сразу пиши, чтобы дети остались с тобой. Место жительства определи с собой. И про алименты с нее.

Роман тупо посмотрел на нее. Его мозг, еще минуту назад перемалывавший горькие откровения, отказывался воспринимать эти юридические инструкции.

- Зачем так срочно? И какие алименты? Я сам их прокормлю.

- А ты что, думаешь, она просто так это сделала? - в голосе матери прозвучала редкая для нее резкость. - У нее наверняка план есть. Или этот... любовник, скорее всего, подсказал. Она может опередить тебя по всем пунктам. Подать на алименты с тебя, чтобы ты ей платил! Или еще какую пакость подстроить. А так ты будешь первым, кто заявит свои

условия. Хоть выплаты с нее небольшие, но и то плюс. Детям на молоко, на фрукты или на кружок какой хватит. Это не про деньги, Рома, это про жизненную позицию. Ты должен показать, что ты отец и ты не отдашь своих детей.

Она помолчала, вглядываясь в его лицо, и ее взгляд смягчился.

- Или... или ты хочешь, чтобы Лена вернулась? - спросила она уже почти шепотом.

Вопрос повис в воздухе. Алена замерла, смотря на отца. Даже Степка притих, чувствуя напряженность взрослых.

Роман медленно покачал головой. Он смотрел не на мать, а в пустоту за окном, где спускались ранние сумерки. Картина была полной. Обман, предательство, расчет. Любви, той, что была когда-то, не осталось и следа.

- Нет, мам. Не хочу, - выдохнул он. Голос был тихим, но в нем не было и тени сомнения. - Одно дело, если бы она только меня бросила. Я бы, может, понял... пережил. Но она... она нас всех предала. И оказалось, что ей дети не нужны. Свои родные дети. Они ей, выходит, как помеха для новой жизни с новым мужчиной.

Он наконец перевел взгляд на мать, и в его глазах стояла неподдельная, животрепещущая боль непонимания.

- Она же их ждала с нетерпением вместе со мной. Помнишь, как для кроватки белье выбирала, по сто раз в день переглаживала эти крошечные ползуночки? Ночами поднималась, когда их надо было кормить, или зубки резались...

Сидела, качала, песни пела. А сейчас… Они ей как чужие стали... Я не пойму, когда это началось? В какой именно день она... перестала быть их матерью? Или может быть... может, она никогда ею и не была по-настоящему, а просто играла в семью, пока было удобно?

Он искал ответа в глазах матери, но видел лишь такое же недоумение и боль. Она так же не понимала, как можно бросить свое родное дитя.

Валентина Ивановна тяжело вздохнула.

- Не мучай себя этим вопросом, сынок. Ты ответа не найдешь. А если и найдешь, легче не станет. Человек меняется, или наконец показывает свое настоящее лицо. Сейчас надо думать о них. – Она кивнула на детей. – Оформляй документы. Завтра с утра. Пока она не опомнилась и не передумала насчет детей в своем заявлении. Пока она не решила, что они ей все-таки «не мешают» - например, чтобы больше алиментов с тебя стрясти.

Последняя фраза прозвучала с такой горькой житейской мудростью, что Роман вздрогнул. Да. В мире, куда ушла Лена, все измерялось деньгами и выгодой. И его дети могли в любой момент стать разменной монетой.

Он кивнул. Да. Завтра. Суд, бумаги, юрист.

Глава 4. Заявление

Тем же вечером, уложив детей спать в своей старой комнате в родительском доме, он притащил туда же матрас. Спать в квартире, в их бывшей с Леной спальне, там, где они когда-то были едины, было невыносимо. Воздух там, казалось, все еще хранил следы ее духов и холодного, мучительного равнодушия последних месяцев. Здесь же, в комнате своего детства, пахло старыми книгами, яблоками с маминого огорода и спокойствием. Здесь он чувствовал себя под защитой.

Он вышел на кухню, где мать мыла посуду, а отец, нахмурившись, смотрел вечерние новости, не видя их. Роман набрал номер Ивана Петровича. Голос у начальника был сонный, но он выслушал, не перебивая. Роман, не вдаваясь в личные подробности, сказал прямо:

- Жена ушла, подала на развод. Дети остаются со мной. Нужно завтра с утра в суд, заниматься оформлением бумаг.

В трубке послышался тяжелый, понимающий вздох.

- Так... Дети с тобой, говоришь? Бросила, стерва... - Иван Петрович помолчал, будто обдумывая. - Ладно, Роман, не парься. Сиди дома, занимайся оформлением. Место твое никто не займет, срочных заказов нет. Сколько тебе надо - неделю, две? Бери. А если деньги нужны будут - скажи, без процентов дадим в долг. Мужики должны держаться друг за друга.

Эта простая, грубоватая поддержка значила для него в тот момент больше, чем самые красноречивые слова соседей или родственников. Оказалось, он не остался один на один со своим горем. У него есть на кого опереться, есть люди, готовые подставить плечо.

Утром он отправился в суд. Здание райсуда встретило его прохладной полутьмой коридоров. Он чувствовал себя чужим и потерянным, как первоклассник, заблудившийся в лабиринте школьных коридоров. Он нашел окошко канцелярии и, запинаясь, объяснил молодой, уставшей на вид девушке-секретарю, что ему нужно подать встречное заявление на развод, чтобы дети остались с ним.

Девушка выдала ему бланк. Роман уселся на жесткую деревянную скамью в коридоре и принялся его заполнять. Он выводил слова своей корявой, привыкшей к гаечным ключам рукой. «Прошу расторгнуть брак... Прошу определить место жительства несовершеннолетних...» Каждое слово давалось с трудом, будто он вырезал его из собственной плоти. Он писал о своей работе, о зарплате, о том, что дети фактически всегда были на его попечении. Это было похоже на публичную исповедь, унизительную и необходимую.

Спустя полчаса он протянул заполненный бланк обратно в окошко. Секретарь бегло просмотрела его и покачала головой.

- Нет, так не пойдет. Все не так. Нужны обоснования. Свидетельства. Характеристики с места работы, справки о дохо-

дах, акты обследования жилищных условий... И пишется это все иначе. Вы же встречное заявление подаете, вам нужно ссылаться на первоначальный иск.

Роман растерянно смотрел на нее. Все эти слова - «встречное», «обоснования», «акты» - кружились в голове бессмысленным вихрем. Он чувствовал себя полным идиотом. Он мог с закрытыми глазами разобрать и собрать сложнейший инжектор, но здесь, в мире законов и крючкотворства, он был беспомощен, как ребенок.

- Но... как? - выдавил он. - Мне сказали, нужно срочно...

В этот момент из кабинета вышла судья, женщина лет пятидесяти с умными, уставшими глазами. Она заметила растерянную фигуру Романа замершего перед окном секретаря.

- В чем проблема, Ирина? - спросила она, подходя.

Секретарь что-то тихо объяснила, показывая на его бланк. Судья взяла листок, просмотрела его. Потом подняла взгляд на Романа. Он стоял, чувствуя себя школьником, пойманным на списывании.

- Вы... просите определить место жительства детей с вами? - переспросила она, и в ее голосе прозвучало легкое, профессиональное удивление.

- Да, - кивнул Роман, готовый к отпору, к недоверию. - Их мать нас оставила. Ушла. И подала на развод первой.

Судья медленно отложила листок.

- Понимаете, у нас в девяносто девяти процентах случаев всё ровно наоборот. Отцы, как правило... убегают от ответ-

ственности. А тут... - Она снова посмотрела на него, уже с другим, более пристальным интересом. - Сведения о доходах есть? Характеристики? Документы на жилье?

Роман только покачал головой, чувствуя, как горит лицо. Он ничего не успел подготовить. Он действовал на эмоциях, как и советовала мать.

Судья вздохнула, но не с раздражением, а с какой-то долей усталого сочувствия.

- Ирина, помогите гражданину составить заявление правильно. Разъясните, какие документы ему потребуется собрать.

Молодая секретарь кивнула. Она взяла новый, чистый бланк и присела за свободный столик в коридоре, показав Роману последовать ее примеру.

- Давайте я вам помогу все оформить, - сказала она тихо. - Не переживайте, бывает.

И вот начался долгий, кропотливый процесс. Девушка терпеливо, строчка за строчкой, объясняла ему, как правильно сформулировать просьбу, на какие пункты закона ссылаться, как описать сложившуюся ситуацию. Она не проявляла ни жалости, ни раздражения - просто делала свою работу, но с долей человеческого участия, которое в этих казенных стенах казалось настоящим чудом. Она объяснила, как получить характеристику с работы, какую справку из ЖЭКа нужно принести, чтобы подтвердить свои жилищные условия, как написать ходатайство о запросе характеристик на

детей из детского сада и школы.

- Самое главное, - говорила она, заполняя за него бланк своим аккуратным почерком, - вы должны показать суду, что вы стабильный, работающий человек, что у детей есть все необходимое и что они привыкли к вашему попечению. Суд всегда исходит из интересов ребенка.

Роман слушал и кивал. Он смотрел, как на чистом листе бумаги рождается его новая, официальная биография - биография отца-одиночки, борющегося за своих детей. Это было страшно и придавало сил одновременно.

Через два часа, с правильно составленным и принятым в производство заявлением, и длинным списком необходимых документов, он вышел на широкое, залитое солнцем крыльцо суда.

Утро было уже в разгаре, прохладное и прозрачное. Он остановился на верхней ступеньке и вдруг, как будто впервые за долгие годы, по-настоящему глубоко вдохнул. Воздух был свеж, пах мокрым асфальтом после ночного дождя и обещанием чего-то нового. Он не чувствовал запаха бензина, пыли или мусорных отходов, контейнер с которыми стоял неподалеку. Он чувствовал свободу. Не ту, легкомысленную, о которой, возможно, мечтала Лена. Свободу быть отцом своих детей без оглядки, без постоянного чувства, что он что-то делает не так. Свободу строить свою жизнь по своим правилам, честно и прямо.

Он достал телефон. Палец повис над ее номером. Раньше

этот контакт был самым частым в его списке вызовов. «Купи хлеба», «Когда придешь?», «Ребенок плачет, я уже не могу! Устала». Теперь это был просто номер. Номер человека, который предал его и его детей.

Отправил Лене единственное сообщение, короткое и ясное: «Подал встречное заявление. Дети остаются со мной».

Он не ждал ответа, даже не посмотрел, дошло ли сообщение. Спустился по ступенькам и уверенной, быстрой походкой пошел к своей машине. Впереди были детский сад, школа, работа по сбору справок и целая жизнь. Его жизнь. Их жизнь. И он чувствовал в себе силы пройти этот путь.

Роман приехал в свою съемную квартиру, и тишина в ней снова оглушила его. Но на этот раз она была не пустой и давящей, а ожидающей. Ждущей действий. Детей он попросил забрать родителей, понимая, что сегодняшнюю процедуру лучше проводить без них, да и боялся, что не уложится во времени.

Его взгляд упал на дверь в спальню. Их спальню. Вернее теперь только его. Не дело спать на полу, как беженцу. Он мужчина, отец, и ему нужен нормальный сон, чтобы быть сильным для своих детей. Чтобы завтра с новыми силами бороться за их будущее.

Он спустился в подвал. Там у каждого владельца квартиры была своя каморка для хранения вещей и разного хлама, который вроде сейчас и не нужен, но может пригодиться. Нашел несколько больших картонных коробок и рулон

прочных синих мусорных пакетов. Войдя обратно в комнату, он почувствовал странный холодок. Комната уже не пахла ее духами, только застоявшимся воздухом и немного пылью.

Начал методично, без лишних эмоций собирать ее оставшуюся одежду. Платья, костюмы, блузки... Все, что так старательно вынимала из шкафа Лена, но не успела или не захотела забрать. Он не смотрел на фасоны, не вспоминал, в чем она была в тот или иной день. Он просто складывал вещи в коробки и пакеты. Каждое сложенное платье было кирпичиком, который он вынимал из стены своего старого «я», из памяти о человеке, которого, как он теперь понимал, никогда не существовало. Был миф, созданный им самим.

И вот, складывая очередную стопку, его пальцы наткнулись на мягкую, потертую хлопковую футболку. Серую, бесформенную. И память, как волна, накрыла его с головой.

Воспоминание. Восемь лет назад.

Аленке месяца три. У нее начались жуткие колики. Она лежала в своей кроватке и заходилась в безутешном плаче. Лена, бледная, с синяками под глазами, с абсолютно пустым взглядом, сидела рядом, покачиваясь от усталости и бессилия. Она была в этой самой серой футболке, вся в пятнах от молока и детской присыпки.

Роман вернулся с работы за полночь, забежав перед этим в круглосуточный магазин за памперсами и молоком. Он видел, как у нее дрожат руки.

«Лен, давай я», - сказал он тихо, забирая из кроватки

дочь. Взял на руки орущую Аленку и начал носить ее по комнате, тихо напевая армейские песни, которые сам пел когда-то в казарме. Он качал ее, прижимал к груди, чувствуя, как маленькое, горячее тельце постепенно успокаивается.

Каждое утро, уходя на работу в шесть, он спускал коляску с пятого этажа. Каждым вечером, возвращаясь затемно, затаскивал ее обратно, вместе с продуктами и своим вымотанным телом. Все для того, чтобы она, Лена, могла просто выйти с ребенком на прогулку, не надрываясь. Он мыл полы, пока она кормила ребенка, готовил простые макароны с котлетами, если видел, что она валится с ног. Он думал, что это и есть любовь - работать на износ, чтобы оградить от тягот того, кого любишь. Он видел благодарность в ее глазах тогда. Или ему так только казалось? Или это была просто усталость и беспомощность?

Настоящее.

Роман резко дернул рукой, и серая футболка полетела в пакет. Больше не надо. Больше не для кого таскать коляски и мыть за всеми полы. Теперь это его территория. Его правила. Его ответственность.

Он закончил с упаковкой вещей. Несколько коробок и два набитых под завязку пакета, как немые свидетели распавшейся жизни, стояли у стены в прихожей. Комната опустела, освободилась. В ней теперь пахло только им, пылью и картоном.

Но это были только вещи из комнаты, оставалась еще ван-

ная. Там он, не глядя, сметал в пакет бутыльки с полок. В итоге на полках одиноко стояли три бутылки. Детский шампунь, гель для душа Аленки и гель для душа Романа и Степки. Да, Степа считал себя взрослым, поэтому мылся папиным гелем.

Еще один пакет отправился в прихожую.

Достал телефон. Палец снова повис над ее номером. Он нажал на вызов. Трубку взяли быстро.

- Забери свои вещи, - сказал он ровным, безразличным голосом, каким говорят с чужими людьми. — Я собрал все что было твоего. Время тебе до завтрашнего вечера. Не заберешь - выкину.

Он не стал слушать ответ, что бы она там ни начала говорить. Оправдания, упреки или холодное «хорошо» - все это уже не имело значения. Он положил трубку.

Глава 5. Объяснение, которое ничего не объясняет

Роман не ожидал, что она появится так быстро. Он рассчитывал на день, может на два. Но уже через час после его звонка в дверь позвонили. Резко, настойчиво, без тени сомнения. Он открыл. В проеме стояла Лена. Она была уже не та растерянная девушка из парка и не уставшая молодая мать, а собранная, ухоженная женщина с холодным, отстраненным взглядом. На ней было элегантное пальто, которого он раньше не видел, а в руках сжимала ключи от дорогой иномарки что он когда-то купил по ее желанию и ремонтировал для их «семьи».

Ее глаза быстрым, оценивающим движением скользнули по нему, по пустующей прихожей, по коробкам и пакетам с ее вещами. Взгляд был лишен всякой теплоты, будто она рассматривала не бывшего мужа, а неудачливого конкурента.

- Неужели у тебя за столько лет первый выходной? - прозвучало ее колкое замечание. В голосе слышалась насмешка, прикрывающая легкую нервозность.

Роман не стал спорить. Он кивнул, его лицо было невозмутимой маской, под которой клокотала буря. Но он держал ее в ежовых рукавицах.

- Да, Лен. Благодаря тебе он наконец появился. Внезапный.

Ее губы искривились в гримасе раздражения. Она перевела взгляд на коробки.

- Так что же ты раньше на семью столько времени не уделял? - ее голос начал повышаться, в нем зазвучали давно копившиеся, отрепетированные нотки негодования. – Где ты был все эти годы? Уходил затемно, возвращался, когда уже ночь, даже летом! Я была одна, Роман! Совсем одна! С детьми, с бытом, с этой вечной нищетой и твоим вечным «прорвемся»!

Он слушал ее, и по его венам разливался арктический холод, гася в зачатке всю ярость и боль. Он чувствовал ледяное, кристально чистое спокойствие. Он дал ей выговориться. Вылить на него все, что она, видимо, долго носила в себе.

- Где я был? - его голос прозвучал тихо, но с такой желез-

ной уверенностью, что она невольно замолчала, удивленная его реакцией. - Я работал. Зарабатывал, чтобы ты могла жить отдельно от моих родителей, как ты сама захотела. Зарабатывал на еду для всех нас. На твою одежду, которую ты любила покупать каждую неделю. Зарабатывал на твое обучение в ВУЗе, ведь на бюджет ты не дотягивала по баллам, а платить за тебя было некому. Зарабатывал, чтобы ты не считала каждую копейку от одной моей получки до другой. Зарабатывал на твою дорогую машину, потому что тебе было стыдно ездить на моей старенькой. Я был там, где должен был быть мужчина, взявший на себя ответственность за семью.

- Хватит оправдываться работой! - вспыхнула она, но в ее глазах промелькнуло что-то похожее на страх. Она не ожидала такого прямого, спокойного ответа. Она ждала крика, слез, униженных просьб. - Потом-то я нашла работу и часть твоих забот взяла на себя!

Ледяное спокойствие Романа не дрогнуло. Он смотрел на нее, как рентгенолог смотрит на снимок перелома, видя все кости и их расположение.

- Теперь это так называется? - он медленно покачал головой. - Твоя зарплата уходила только на тебя. На маникюры, спа-салоны, окраску волос, на массу этих твоих бутыльков для ухода, косметику. Ты просто стала больше тратить на себя. Но ты ни разу не купила что-то детям или мне на то, что «заработала». И так и продолжала именно на мою зарплату питаться сама и покупать себе одежду. Где же то послабле-

ние, о котором ты говоришь?

Он сделал шаг вперед, и его высокий рост, его широкая, некогда такая надежная для нее грудь, теперь казались ей угрозой. Не физической, а моральной - угрозой правды, которую она так старательно от себя прятала.

- И мне, чтобы обуть и одеть детей, прокормить их, тебя и себя, собрать детей в садик и школу, приходилось так же работать. И теперь ты укоряешь меня этим?

Ей было нечего сказать. Ее губы дрогнули. Все ее карточные домики из оправданий и самообмана рухнули под тяжестью одной лишь правды. Но она нашла в себе силы для последнего, отчаянного козыря. Ее взгляд смягчился, в нем появилась фальшивая, наигранная искренность.

- А он... он уделяет мне внимание, Роман, - прошептала она, опуская глаза. - Мой начальник. Он интересуется, как у меня дела, как я себя чувствую, какое у меня настроение. Он слушает меня. Он видит во мне женщину, а не... приложение к детям и кухне. Он дарит цветы просто так. Приглашает в рестораны. С ним я чувствую себя женщиной, чувствую себя живой. Я не выдержала его натиска... и сдалась. А теперь... теперь я поняла, что люблю его.

Она произнесла это с таким пафосом, словно декларировала что-то возвышенное и благородное. Роман смотрел на нее, и в его душе не осталось ничего, кроме леденящего презрения.

- Поняла, что любишь, - повторил он без всякой интона-

ции. - Удобно. И когда ты успела это «понять»? За два года? За год? За два месяца? Пока я забирал детей, готовил ужины и думал, что ты задерживаешься на работе? Пока ты врала мне и нашим детям? Ты «поняла», что любишь человека, который разбил чужую семью? Которому ты, наверное, с самого начала не сказала, что у тебя двое детей и муж, воняющий бензином? Или сказала? И он, такой «внимательный», согласился на роль любовника? Какая возвышенная любовь, не правда ли?

Он видел, как ее лицо заливается краской стыда. Она пыталась выставить себя жертвой обстоятельств, романтической героиней, не устоявшей перед напором страсти. Но он срывал с нее все маски, оставляя голую, неприглядную правду - правду обмана, предательства и бегства от ответственности под соусом «большой любви».

- Я... я не хотела тебя ранить, - пробормотала она, отводя взгляд. - Я просто... хотела быть счастливой.

- За счет других? - его вопрос прозвучал как пощечина. - За счет того, что ты бросила детей, как старую игрушку? Ты знаешь, что твоя дочь сказала, когда узнала, что ты ушла? «Ну и хорошо». А сын спросил, значит ли это, что ты больше не будешь на него кричать. Ты столько «счастья» им принесла, что они не жалеют о том, что тебя больше нет в их жизни. И какое «счастье» ты построишь на костях своей семьи, которую разрушила? Мне даже интересно.

Ей было абсолютно нечего ответить. Все ее оправдания

рассыпались в прах. Ее лицо побледнело, губы сжались в тонкую белую ниточку. Надменность сменилась растерянностью, а затем - злобой. Злобой на него за то, что он не позволил ей уйти красиво, с ролью несчастной жены, уставшей от невнимательного мужа.

Молча, с видом оскорбленной королевы, который выглядел жалко и неестественно, она схватила первый же мешок, потом коробку. Она стала таскать свои вещи к машине с пятого этажа. Её движения были резкими, угловатыми. Роман не помогал. Он стоял у окна и смотрел, как женщина, которую он когда-то любил больше жизни, навсегда выносит себя из его мира.

Она сделала несколько ходок, сложила все свои коробки и пакеты в багажник и на заднее сиденье. Потом, не оглядываясь, села за руль, завела двигатель. Иномарка плавно тронулась с места и растворилась в потоке машин.

Он прошел в прихожую, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. В квартире снова воцарилась тишина. Внутри у него не было ни злости, ни боли. Была только тихая, безразличная пустота. Он понял главное: она не ушла от него. Она ушла от ответственности, от быта, от взрослой жизни. А его вина была лишь в том, что он остался всем этим заниматься.

Не стал погружаться в мысли о случившемся, а решил навести порядок, протереть пыль на освободившихся полках. Подмести полы, чтобы вымести пыль что слетела с одежды жены… бывшей жены. Так за размеренной работой он и не

заметил, как пролетело время.

Роман оглянулся и даже удивился. Практически все место в шкафах было пустым. А ведь когда жили вместе, то он и не замечал сколько Лена занимала места. Не до того ему было. А теперь… Теперь спокойно можно было разложить свою одежду, разместить в шкафах часть детской, которая им сейчас не по сезону. Так он разгрузит их шкафы, где все было забито битком.

Спустя время, после разбора детских шкафов, Роман довольным взглядом окинул выполненную им работу и удивился. Оставалось еще достаточно свободного места.

- Ну и ладно, ну и хорошо. – тихо проговорил он себе и посмотрел на часы. Пора было ехать за детьми.

Глава 6. Развод

Прошел месяц. Тридцать дней новой жизни, выстроенные по непривычному, но уже устоявшемуся распорядку. Подъем в шесть, общий завтрак, потом разборки - кого первым вести, кого второго. Садик, школа, работа. Вечером - забрать детей у родителей, ужин, уроки с Аленой, возня со Степкой, отбой. В этой рутине была своя, устоявшаяся жизнь и покой. Это был труд, осмысленный труд, без тени обмана и пустоты, которые он чувствовал последние месяцы с Леной.

И вот он снова стоял в здании суда. На этот раз - на предварительном заседании по расторжению брака. Он внутренне сжался, ожидая сцен, проволочек, новых претензий со стороны Лены. Ведь после их последнего разговора она должна была быть зла на него, униженная тем, что он не принял ее оправданий.

Но Лена пришла. Спокойная, подтянутая, с тем же деловым видом, что и в день их разрыва. На ней был строгий костюм, дорогие часы на тонком запястье - атрибуты ее новой жизни. Она молча выслушала судью, кивком подтвердила свои данные и так же спокойно подписала все бумаги. Когда судья, просматривая материалы дела, упомянула встречное заявление Романа об определении места жительства детей с отцом, он невольно напрягся, ожидая возражений.

- Согласна, - четко, без колебаний проговорила Лена, гля-

дя перед собой в пространство, будто обсуждала не судьбу своих детей, а незначительный рабочий момент. - Детям с отцом будет лучше. У него стабильная работа, жилье и они к нему больше привязаны.

Она даже не стала увиливать от алиментов, согласившись на твердую сумму, которую предложил суд, исходя из размера ее официальной зарплаты секретаря. Сумма была смехотворной, но Роман и не рассчитывал на большее. Все было настолько цивилизованно и тихо, что было почти жутко. Казалось, в зале суда присутствовала совсем другая женщина, не та, что с криком укоряла его месяц назад и не та, что пыталась оправдаться «большой любовью», и уж совсем не та, на которой он женился. Это была холодная, расчетливая бизнес-леди, разрывающая ненужные контракты.

На выходе из зала суда она остановилась, давая ему пройти.

- Роман, есть деловое предложение.

Он вопросительно посмотрел на нее, насторожившись. Слово «деловое» резало слух.

- Давай реализуем материнский капитал, - сказала она без предисловий, глядя на него холодными, лишенными эмоций глазами. - Купим какую-нибудь старенькую квартирку в многоэтажке на окраине. Однушку.

Он удивленно молчал, и она, словно оправдываясь перед самой собой или перед ним, продолжила ровным тоном:

- Так и у меня, если вдруг что... будет где голову прекло-

нить. Не ехать же мне в свою деревню к родителям в случае чего. А так... - она сделала короткую паузу, подбирая нужные слова. - Эта квартира в итоге отойдет детям. По закону. При покупке по материнскому капиталу каждому выделяется доля. Каждому по двадцать пять процентов оформим.

Роман смотрел на нее, пытаясь разгадать этот ход. Ищет ли она выгоду для себя, создавая себе «запасной аэродром» на случай, если с начальником не сложится? Или в самом деле думает о детях, пусть и таким странным, опосредованным образом? Возможно, и то, и другое. Но в ее словах была железная, неопровержимая логика. Государственные деньги все равно были заморожены, а так они превратятся в реальное имущество. В крышу над головой для его детей в будущем. Пусть и старенькую, но свою. Мысль о том, что она будет иметь к этой квартире доступ, что она будет совладельцем, вызвала у него острое внутреннее сопротивление. Он сжал кулаки, чувствуя, как по спине пробегают мурашки. Доверять ей что-либо после всего случившегося было верхом глупости.

Но он подавил протест. Он думал о детях. О том, что у них будет своя, пусть и маленькая, но собственность. Подумал о съемной квартире, которую рано или поздно придется покинуть.

- Хорошо, - согласился он, и его собственный голос показался ему чужим и сухим. - Иначе они даже не увидят этих денег. А так у них будет хоть какое-то имущество. Будут не

с пустыми руками по жизни идти.

Они молча постояли еще мгновение, два бывших супруга, связанные теперь только юридическими формальностями, общими детьми и будущей общей собственностью, которая когда-то должна была стать собственностью их общих детей. Разрыв был тотальным, но жизнь, в лице государства и его программ, снова намертво сплела их судьбы, хоть и в иной, причудливой форме.

Она кивнула, коротко и деловито, и, не прощаясь, развернулась и пошла к выходу на своих высоких каблуках, отстукивая каблуками по казенной напольной плитке. Роман смотрел ей вслед. В его жизни начинался новый этап. В котором главной задачей было купить детям жильё, которое будет одновременно и их будущим, и вечным напоминанием о ней, и ее страховкой.

Идея с материнским капиталом, как ни странно, оказалась более чем осуществимой. Поскольку жили они в небольшом районном городе, цены на недвижимость были далеки от столичных. Выяснилось, что суммы маткапитала за двоих детей хватало не на однокомнатную квартиру в многоэтажке на окраине, а на вполне уютный, пусть и староватый, домик в частном секторе, с небольшим, но своим участком земли. И что было самым радостным для Романа - он нашелся всего в двух улицах от его родителей, в том же районе, где он вырос.

Сделку купли-продажи оформили относительно быстро, несмотря на все бюрократические проволочки, связанные с

использованием целевых средств. Дом перешел в их общую долевую собственность, с обременением - до совершеннолетия детей он не мог быть продан без разрешения органов опеки. Казалось, все шло к мирному и практичному разрешению ситуации. Роман даже начал потихоньку рисовать в воображении картины будущего: вот он с детьми переезжает в свой дом, Алена будет ходить в ту же школу, Степка - играть с друзьями, а он сможет в гараже на участке возиться с машинами, не боясь потревожить соседей.

И вот, когда все основные документы были практически готовы, Лена высказала свое истинное условие. Они встретились у нотариуса для подписания последних бумаг. После того, как все необходимые подписи были поставлены, она отвела его в сторону.

- Роман, насчет дома, - начала она тем же ровным, лишенным эмоций тоном. - Давай пока сдадим его. Сейчас многие живут на съёме. Арендная плата будет поступать мне, а с этих денег я буду платить тебе алименты. Так будет удобнее всем. Тебе же некогда будет возится со съемщиками? Водить их, показывать дом, договариваться об оплате.

Он тут же понял истинную подоплеку этого «удобного» плана. Как он понял, ее зарплаты секретаря, которой когда-то «хватало» только на ее нужды, теперь не хватало еще и на алименты, которые по решению суда она была обязана платить. А урезать себя в маникюрах, дорогой косметике, спа-процедурах и новых платьях она по-прежнему не соби-

ралась. Она нашла элегантный, как ей казалось, способ ничего не менять в своей новой, красивой жизни, переложив финансовые обязательства на плечи невидимого арендатора. Она хотела, чтобы ее дети, по сути, сами платили алименты самим себе, но через ее руки.

Роман внимательно посмотрел на нее. В его голове четко и громко щелкнуло: «Предавший однажды - предаст и дважды». Он мог бы отказаться, мог бы настоять на своем, пойти на новый суд, но мысль о том, что дети будут иметь свой собственный дом, пусть и в будущем, была слишком ценной. И он понимал, что этот вариант для нее выгоден - а значит, она не станет ему препятствовать и пытаться как-то оспорить их договоренность по детям.

Он принял решение, холодное и расчетливое, как её собственные поступки.

- Без проблем, - ответил он спокойно, глядя ей прямо в глаза. - Но оригиналы документов на дом будут находиться у меня. Все. Без исключений. Как говорится, доверяй, но проверяй.

На ее лице мелькнула обида, быстрая, как тень, но тут же погасшая. Она скривила губы, ее взгляд на мгновение стал ядовитым.

- Ты мне не доверяешь?

- После всего? Нет, - отрезал он. - Ни капли. Это не про доверие, Лена. Это про безопасность наших детей. Я не позволю кому бы то ни было, в том числе и тебе, разменять их

будущее.

Она хотела что-то сказать, возмутиться, но, увидев его уверенный, стальной взгляд, лишь пожала плечами, изображая безразличие.

- Хорошо, - сквозь зубы ответила она, хотя было видно, как ей неприятно, что в ее честности и порядочности сомневаются. - Как знаешь.

Но Роман был непреклонен. Его доверие она безвозвратно растоптала, оставив его с двумя детьми на руках. Теперь их отношения были чисто деловыми, партнерскими по несению родительских обязанностей.

Он забрал картонную папку с оригиналами свидетельства о собственности и договора купли-продажи. Теперь у него на руках был не просто документ. Это была страховка для его детей и их будущего.

Папка с документами на дом лежала в крепком небольшом металлическом сейфе, который он купил в тот же день, как подписали договор купли-продажи. Первой мыслью было вмуровать его в стену своей спальни, но он тут же отбросил эту идею. Квартира съемная, стены тонкие, да и рано или поздно придется съезжать. Тащить с собой сейф и искать ему новое место - лишняя головная боль.

Решение пришло само собой.

- Мам, можно у вас в доме на время поставить одну железную штуку? Документы детские хранить. В съемной нет смысла.

- Что за вопрос, сынок? - махнула рукой Валентина Ивановна. - Неси, куда скажешь, там и поставим.

Так сейф обосновался в его бывшей комнате, став символом того, что дом его родителей - это его самая надежная крепость. Теперь у него было не только пространство в шкафу, но и крепкий тыл - свой, пусть и пока сданный, дом, его родители, готовые его поддержать, и четкие, пусть и сложные, договоренности с Леной.

И вот однажды вечером, разложив перед собой на столе квитанции и расчеты за месяц, он с удивлением обнаружил, что его зарплата - не такая уж и мизерная. Пропали еженедельные траты на новые наряды Лены, ее косметику и салоны красоты. Исчезла статья расхода на ее проезд и личные нужды. Оказалось, что одна треть его заработка теперь оставалась. Она не улетала в черную дыру под названием «хотелки жены», а спокойно оседала на счету, превращаясь в реальные, осязаемые возможности.

И первое, что пришло ему в голову, была его старая, пыльная, отложенная в самый дальний ящик мечта. Высшее образование.

Он еще в армии, в перерывах между учениями, любил читать художественные книги про юристов, которые брал у сослуживца. Ему нравилась как в этих книгах выстраивалась логика закона, как главные герои оперировали статьями закона. Он решил тогда, что будет юристом. Но вернувшись «на гражданку», столкнулся с суровой реальностью: за учебу

надо было платить. Денег у родителей, скромных рабочих, не хватило бы на оплату даже одного семестра, а все годы очного обучения он бы сидел у них на шее. Это было непозволительной роскошью.

Именно поэтому он поступил иначе: пошел в сельхозтехникум. Он решил получить профессию механика, с которой можно было сразу устроиться на работу и кормить себя. А потом, думал он, соберу денег и пойду на заочное, буду и работать, и учиться. Глупо, что он не додумался до этого сразу. Но тогда, в девятнадцать (сразу после армии), казалось, что все нужно делать правильно: сначала отучиться, получить профессию, а потом работать и получать высшее. Но судьба сделала свой финт ушами, столкнув его в парке с хрупкой девушкой с большими глазами.

Он сидел и смотрел на сумму на счету, которой ему хватило бы на первый семестр заочного обучения. Раньше эта мысль вызвала бы в нем горькое сожаление и упрек в собственной глупости. Но сейчас он покачал головой и тихо улыбнулся.

Нет. Он не жалел о прошлом. Ни на секунду. Именно благодаря той встрече, тем стремительным и безрассудным двум месяцам, у него есть Аленка и Степка. Его любимые, его кровь, его смысл. Все, что он делал эти годы, он делал ради них. И даже этот горький финал с Леной был платой за их появление на свет. Платой, которую он был готов внести снова, если бы знал финал.

Он достал ноутбук, подарок родителей на окончание техникума, который он почти не использовал. Открыл сайт ближайшего университета и перешел в раздел «Заочная форма обучения». Нашел «Юриспруденция».

Глава 7. Семейный совет

Утро в их съемной квартире начиналось с теперь уже привычного ритуала, отточенного за месяц практики. Роман, стоя у плиты, одной рукой помешивал овсянку, а другой отлавливал Степку, который, изображая реактивный истребитель, с громким «вжжуууухом» носился по тесной кухне, рискуя опрокинуть табуретку.

- Пап, ты мою синюю юбку не гладил? - донеслось из комнаты Алены.

- Гладил, повесил в шкаф! - крикнул он в ответ, наконец-то поймав «истребитель» и натягивая на него водолазку. Шестилетний сын вертелся, пытаясь продолжить полет, и никак не мог попасть рукой в нужный рукав.

Мысли в голове Романа путались, выстраиваясь в бесконечный список дел. Главная и пока нерешаемая проблема - это катастрофическая нехватка времени. Он больше не мог уходить на работу в шесть утра, как раньше. Детей нужно было развести: сначала дочь в школу к восьми, потом сына в садик к половине девятого. Получалось, что работу он начинал в лучшем случае в девять, а это - потеря двух, а то и трех драгоценных утренних часов, одних из самых продуктивных, многие торопились починить мелочь перед работой. Забирать детей после работы могли его родители, благо и школа, и садик были у них прямо под боком, в двух шагах,

в отличие от его съемной квартиры на другом конце городка. Но эти утренние часы все равно выпадали из рабочего дня, а значит, и из заработка.

Он расставил тарелки на столе, уже проговаривая вслух, как будто ища решение в воздухе, пытаясь упорядочить хаос в собственной голове:

- Так... Ладно. Надо договариваться с Иваном Петровичем о сдвиге графика... Объяснить ситуацию. Или... Или мне вообще надо искать работу ближе к школе и садику... Может, в тот же «Вектор»... - он фыркнул, поняв абсурдность этой идеи. - Нет, не вариант.

И тут раздался спокойный, четкий голосок Алены. Она уже сидела за столом, аккуратно отламывая кусочек бутерброда с сыром. Ее взгляд был серьезным и внимательным.

- Пап, а может, мы переедем к дедушке с бабушкой? Насовсем.

Роман замер с кастрюлей овсянки в руках. Идея, которая где-то краем шевелилась в его подсознании, боязливо и робко, была вдруг произнесена вслух устами его восьмилетней дочери. И прозвучала она не как детская фантазия, а как совершенно зрелое, обдуманное предложение.

Алена, видя его удивление, продолжила, как умудренная жизнью женщина, расставляя разумные аргументы по полочкам:

- Места у них достаточно. Моя комната там пустует. И Степина - тоже. Оттуда я смогу сама уходить в школу, да и

забирать меня не надо будет, я дорогу знаю. Бабушка будет отводить Степу в садик и забирать. Ему же рядом. А ты... а ты сможешь спокойно уходить на работу, как раньше, в шесть. И возвращаться вовремя.

Мысли в голове Романа, до этого метавшиеся и хаотичные, мгновенно выстроились в ясный, очевидный ряд, будто по команде «смирно». Он поставил кастрюлю на выключенную плиту и сел напротив дочери, смотря на нее с нескрываемым восхищением и гордостью.

- Ты знаешь, Аленка, это... это гениальная идея, - сказал он, чувствуя, как камень сваливается с души. - Абсолютно верно. И мы сможем сэкономить те деньги, что платим за съем этой квартиры. Это же целых двадцать тысяч в месяц!

- Правильно, пап, - кивнула Алена, словно это была самая естественная вещь на свете. - Лучше эти деньги мы будем тратить на что-то полезное. Или копить. Или в доме у бабушки с дедушкой сделаем ремонт. Может, купим новую мебель. А то кровать у Степки там старая, шатается и скрипит ужасно, я услышала, когда мы были последний раз у них в гостях. И обои в прихожей совсем облезли.

Роман рассмеялся. Не потому, что было смешно, а от гордости за свою маленькую, но такую взрослую дочь, и от легкого, щемящего чувства освобождения. Его дочь не просто предлагала переехать. Она предлагала полноценный, продуманный жизненный план. Мудрый, практичный и не по годам зрелый.

- Знаешь, Аленка, - серьезно сказал он, глядя ей в глаза. - Ты у меня просто стратег. Это блестящая идея. Сегодня же вечером, после работы, и поговорим с бабушкой и дедушкой.

Он посмотрел на Степку, который уже вовсю уплетал кашу, размазывая ее по всей тарелке, на свою маленькую мудрую дочь, и почувствовал, как последние остатки неуверенности и растерянности тают, сменяясь твердой решимостью. У них все получится. Потому что они - команда. Настоящая, крепкая, где каждый готов подставить плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.